

Глава 5

Сибирь – поле экспериментов и ошибок

В основе современных российских проблем холода и расстояния лежит заселение Сибири в XX веке и массовое перемещение в этот бескрайний регион людей и промышленности. Для советского правительства освоение природных богатств Сибири и строительство гигантских предприятий, рудников, гидроэлектростанций и городов по всей ее территории стало кульминацией усилий по превращению аграрной Российской империи в современное промышленное государство. Оно считало освоение Сибири – индустриализацию и урбанизацию этой самой негостеприимной территории в мире – одним из главных достижений СССР. Только в 1970–1980-х годах чрезмерные издержки этой масштабной деятельности стали очевидными. Сегодняшней России приходится платить по этим счетам.

Несмотря на все сложности освоения, вызванные климатическими условиями, Сибирь, как и *холод*, на протяжении веков определяли облик России и концепцию ее будущего. Американский историк-географ Марк Бассин (Mark Bassin) рассказывает о разнообразии взглядов на Сибирь, которая по-разному видится российским интеллектуалам и политическим философам – для них она была сокровищницей и пустыней, колонией и рубежом, источником вдохновения для новых реформ и исконным преимуществом. Они также не забывали, что Сибирь – часть исторического наследия России. В конце XVIII и в XIX веках исследование и освоение Сибири, эволюция связей европейской части России с этими бескрайними землями играли важную роль в формировании национального российского самосознания. Сибирь является воплощением успехов российских исследований и эволюции. Бесстрашные российские первопроходцы, добравшиеся до отдаленного Камчатского полуострова и побережья Тихого океана, были возвеличены поэтами и писателями. Сибирь была источником еще не разведанных богатств и новых территорий, а также кладезем старинных народных традиций и ритуалов. Все эти ипостаси Сибири живы и по сей день. Сибирь ценится как «энергетическая колония» и сокровищница природных ресурсов для других регионов страны, как «неосвоенный рубеж» и спасительный «новый мир» для остальной России¹.

Слова русского писателя Александра Солженицына, сказанные в 70-х годах прошлого века могут служить иллюстрацией этих идей:

Глава 5. Сибирь – поле экспериментов и ошибок

«Северо-Восток – это наше напоминание, что мы, Россия, – Северо-Восток планеты, и наш океан – Ледовитый, а не Индийский, мы – не Средиземное море, не Африка, и делать там нам нечего! Наши руки, наших жертв, нашего усердия, нашей любви ждут эти неохватные пространства, безрассудно покинутые на четыре века в бесплодном вызябании... Северо-Восток – ключ к решению многих якобы запутанных русских проблем. Не жадничать на земли, не свойственные нам, русским, или где не мы составляем большинство, но обратить наши силы, но воодушевить нашу молодежь – к Северо-Востоку, вот дальновидное решение. Его пространства дают нам выход из мирового технологического кризиса. Его пространства дают нам место исправить все нелепости в построении городов, промышленности, электростанций, дорог. Его холодные, местами мерзлые пространства еще далеко не готовы к земледелию, потребуют необъятных вкладов энергии – но сами же недра Северо-Востока и таят эту энергию, пока мы ее не разбазарили»².

Тридцать лет спустя отголосок аналогичных идей прозвучал в докладе российского исследовательского центра – Совета по внешней и оборонной политике (СВОП):

«Сибирь и Дальний Восток – основная пространственная и ресурсная часть современной России. Со времен М. В. Ломоносова считалось очевидным, что восточными землями России будет «прирастать ее могущество»; на рубеже тысячелетий стало не менее очевидным, что Сибирь и Дальний Восток – это не только «могущество», но и сама судьба России... для европейской части России дезинтеграция будет означать потерю не только рынков, но, главное, огромного ресурсного и пространственного потенциала, который не один раз спасал европейскую часть от катастрофы (например, в Великую Отечественную войну)»³.

Своей ссылкой на выдающегося ученого Михаила Ломоносова СВОП подчеркнул особое значение связи между Сибирью и российским прошлым, настоящим и будущим. И действительно, начиная с 1980-х годов утверждение Ломоносова, что могущество России будет прирастать Сибирью, украшает стены классов в российских школах. Связь между процветанием России и Сибирью, словно учение Коперника, преподносилась как научный прогноз. Это не могло не воплотиться в реальность потому, что так было угодно судьбе, о чем свидетельствует приведенная выше цитата из доклада СВОП.

Хотя Россия и установила свой суверенитет над Сибирью сравнительно давно*, возраст какого-либо более или менее заметного

* Россия впервые обговорила свою официальную границу в регионе с Китаем в 1689 году в Нерчинском договоре.

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское время

поселения в Сибири фактически составляет всего лишь порядка столетия – дата основания 1890 год. Сибирь была лакомым куском, но дотянуться до него было трудно. Регион восточнее Уральских гор веками служил главным географическим и экологическим барьером на пути массовой миграции. Препятствием для потенциальных поселенцев служили не сами горы, которые не так уж высоки, а *холод*. Суровый и негостеприимный климат Сибири с крайне коротким сельскохозяйственным сезоном и долгими зимними ночами был причиной того, что регион вплоть до XIX века оставался преимущественно территорией охотников и кочевников. Только с появлением Транссибирской магистрали в 90-х годах XIX века и благодаря технологическим достижениям Советского Союза в XX столетии, внутренние районы Сибири стали доступными для широкомасштабного заселения и индустриализации. Все это, впрочем, было бы вообще невозможно осуществить, не будь доступа к имевшемуся в изобилии дешевому топливу из огромных сибирских запасов газа и угля. Разработка этих ресурсов началась в 1930-х годах и интенсифицировалась после Второй мировой войны. Энергия и тепло были и по сей день остаются существенными факторами в заселении Сибири. Показателем того, как государству нелегко было освоить и заселить Сибирь, является использование военной терминологии при описании процесса включения этих холодных и негостеприимных земель в Россию. Множество источников окрестили этот процесс *завоеванием Сибири*.

Ресурсное богатство Сибири

Характер завоевания Сибири дает ясно понять, что с самого начала ее освоение преследовало в основном коммерческие цели. Сибирь была источником ценного меха – в том числе лисьих, соболиных, беличьих шкур, – жизненно необходимого в условиях суровых российских зим и очень высоко ценимого в Европе, а также соли и ценных минералов. Охотники, казаки и предприниматели в погоне за удачей в XV веке основали в Сибири первые отдаленные поселения. Вслед за ними шли крестьяне, бежавшие от крепостничества центральных провинций России в Сибирь и искавшие убежище и свободные земли. Правда, до конца XIX столетия поселенцев было сравнительно мало. Начиная с XVIII века использовались и другие методы заселения: в Сибирь стали ссылать заключенных. В течение последующих трех столетий Сибирь играла двойную роль: отдаленного рубежа с богатыми ресурсами и исправительной колонии⁴.

Глава 5. Сибирь – поле экспериментов и ошибок

Первые русские поселения в Сибири стали логическим продолжением процесса эксплуатации минеральных и лесных ресурсов «русского Севера»*. К XVII столетию доходы от прибыльной торговли мехами не только стали покрывать затраты на управление Сибирью, но еще приносить существенный доход казне⁵. Благодаря торговле мехом Россия развила свою собственную экономическую систему – по сути «самостоятельную российскую мировую экономику»⁶. Большую часть постоянного населения Сибири составляли жители небольших городов, крепостей и редких поселений, в основном специализировавшихся на охоте и торговле мехами, и отчасти на добыче полезных ископаемых. В Западной Сибири стали оседать еще и сообщества крестьянских семей. Так как заработок от торговли мехами не способствовал развитию добычи полезных ископаемых или сельского хозяйства, численность населения оставалась низкой⁷. В 1700 году, кроме коренного населения, во всем регионе размером в две Европы проживало лишь около 200 000 российских поселенцев. В течение почти всего последующего столетия население Сибири оставалось, по большей части, сельским и проживало в небольших деревнях. В городах проживало менее 10 процентов населения, и примерно половина его была связана с воинской службой⁸. Потому не удивительно, что первые города в Сибири – Тюмень, Тобольск, Томск, Якутск и другие – разрастались за счет торговли мехами.

Сибирь как царская темница

В связи со спадом в торговле мехами, к XVIII столетию коммерческий стимул для освоения Сибири ослаб. Однако интерес к Сибири вновь возрос, когда государство официально превратило регион в место ссылки, а российские политические мыслители XIX столетия стали перенимать идеи европейского империализма. Ссылка преступников началась в 1648 году, а к 1729 году Сибирь стала официальным местом ссылки политических заключенных (князь А. Д. Меншиков, сподвижник Петра I, был сослан туда в 1727 году). В 1762 году был издан указ, разрешавший землевладельцам ссылать в Сибирь своих крепостных-бунтовщиков. В 1763 году ана-

* В царское время это был, по существу, пояс северных лесов Европы, простиравшийся от Москвы до Балтийского и Белого морей через древние города Псков и Новгород, возможно, и новую столицу Санкт-Петербург, и другие отдаленные поселения – такие как Вологда и Архангельск. Его не следует путать с советским Севером (см. главу 3 и приложение В).

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское время

логичный указ был распространен на осужденных проституток, а в 1800 году – на граждан еврейской национальности, не плативших налоги. В 1800 году население Сибири возросло более чем на миллион человек, частично благодаря притоку заключенных и ссыльных. После восстания декабристов в 1825 году, возглавленного офицерами гвардейских полков, революционеров, политических бунтовщиков и других оппонентов царского режима стали в массовом количестве высылать из Санкт-Петербурга, Москвы и других городов Европейской России. В 1891 году в Сибири проживали предположительно 50 000 российских политических ссыльных, 5000 их жен и детей, 100 000 польских повстанцев и 40 000 преступников⁹.

Когда приток ссыльных привел к скачкообразному росту численности населения в Сибири, царские власти всерьез задуматься над административным освоением Сибири. Так, например, в начале 1820 года главному советнику царя Александра I Михаилу Сперанскому был поручен поиск путей искоренения недостатков в управлении Сибирью. В их число входили: «непомерные расстояния от местных пунктов до различных административных органов управления»; нехватка местных дворян, что приводило к назначению губернаторами тех, за кем невозможно было установить эффективный контроль или надзор; малая и скудная заселенность региона, что часто имело своим результатом «слишком большой для данного числа жителей бюрократический аппарат»¹⁰.

Несмотря на переход государства к ссылке и учреждению исправительных поселений в Сибири, регион продолжал сохранять свою притягательность как отдаленный рубеж и место благоприятных возможностей, особенно из-за отсутствия крепостничества и наличия непомерного количества неосвоенных земель и богатых угодий для промыслов. Многие российские ученые критически смотрели на склонность государства относиться к Сибири как к исправительной колонии. Например, в 90-х годах XIX века Николай Ядринцев призывал к «свободной колонизации» Сибири. Он считал, что именно это, а не царская политика ссылок приведет к интенсивному росту численности населения и будет стимулировать экономическое развитие, как это происходило при колонизации Австралии, США и Канады¹¹. Даже ссыльные декабристы отзывались о Сибири как о «втором новом мире». Сибирь, считали они, может положиться на свои огромные ресурсы природных богатств и земель, которые являются гарантией того, что «честное предпринимательство и усилия со стороны граждан будут заслуженно и щедро вознаграждены», как это было в Америке¹². Известный российский революционер XIX столетия Александр Герцен проводил

Глава 5. Сибирь – поле экспериментов и ошибок

параллель между опытом работы России в Сибири и американской экспансией на запад. В письме к своему итальянскому современнику Джузеппе Маззини он писал, что русские, как и американцы, ограничивали свою первобытную экспансивность в приграничных регионах за счет более обширного освоения богатств континента. Он сравнивал сибирских колонистов с американскими пионерами, занимавшимися фермерством на равнинах Северной Америки¹³.

Заселение Сибири

В самом деле, российские поселенцы продвигались в Сибирь подобно американским поселенцам, получившим участки для занятия фермерством на Западе США после Гражданской войны. С 1800 года и до начала Первой мировой войны, в тот же период, когда российское государство высылало своих политических противников и уголовных преступников за Уральские горы, почти пять миллионов российских поселенцев мигрировали в Сибирь по собственной воле – по большей части без каких-либо санкций и за свой собственный счет¹⁴. Сибирь, в сущности, стала «Северной Америкой» Российской империи. Она манила достатком и питала надежды сельских жителей в их поисках свободных земель вдали от перенаселенных сельскохозяйственных регионов. С 1871 по 1916 год свыше 40 процентов внутренних мигрантов в Российской империи стали селиться в Сибири¹⁵. В России XIX столетия внутренняя миграция была предметом множества ограничений; в основном она была разрешена тем или официально распространялась только на тех, кто обладал собственностью и располагал средствами для оплаты своего переезда и приобретения земли и техники¹⁶. Это, однако, не отпугивало лиц, не имевших таких средств. Благодаря такой миграции и естественному приросту население Сибири стало довольно быстро расти по сравнению с предыдущими периодами¹⁷.

Строительство Транссибирской железнодорожной магистрали послужило катализатором процесса заселения Сибири. Хотя основной участок Транссиба от Москвы до Читы был закончен в 1899 году, строительство, начавшееся лишь в 1891 году, не было полностью завершено к 1917 году. Однако в 1903 году ветка, ведущая к Тихому океану через Харбин на китайской территории, соединила Читу с Владивостоком. В период между царскими переписями 1897 и 1911 годов 1 миллион человек переехали в Сибирь по железной дороге¹⁸. Учитывая желание установить и укрепить российский контроль над этим огромным регионом и возрастающую необходимость обеспечить безопасность своих границ как с Китаем, так

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское время

и со все более агрессивной Японией, царское правительство вскоре стало поощрять такую миграцию. Оно даже предоставляло ряд льгот на переселение, включая дотации на переезд, медицинские услуги и продукты питания, а также низкий миграционный тариф, равный одной трети стоимости проезда на поезде в вагоне четвертого класса¹⁹. Колонизация Сибири стала официальным правительственным проектом в рамках программы российского премьер-министра Петра Столыпина по реформированию сельского хозяйства. Ее целью было переселение «избытка» населения из европейской части России и увеличение количества обрабатываемой земли²⁰. Большинство миграционных ограничений, включая требования к собственности, были отменены в 1904 году. В результате этой политики численность населения Сибири остановилась на отметке порядка 10 миллионов к 1917 году²¹, сделав Сибирь самым популярным местом для мигрантов в Российской империи.

Земля последней надежды

Хотя относительно высокие темпы миграции в Сибирь и связанный с этим прирост численности населения и свидетельствовали о том, что регион очень привлекателен для российских поселенцев, ускоренное заселение Сибири началось только после того, как заселение Черноземья почти достигло порога насыщения. В конце XIX и начале XX века поселенцы прибывали в Сибирь в основном из сильно перенаселенных сельских регионов западной и центральной частей России и Черноземья²². Сибирь, возможно, и была землей благоприятных возможностей, но для некоторых она была еще и территорией вынужденного переселения, а для многих – землей последней надежды. Многие переселенцы оказались на пороге нищеты и голода, вызванных частыми неурожаями и эпидемиями, в своих родных регионах. Необходимо было выбирать между переездом на восток и смертью от голода и болезней. По результатам изучения миграции того периода, правительство сделало вывод, что из-за кризиса в сельских районах России всем сельским переселенцам необходимо разрешить добровольную миграцию²³. Однако преодолеть трудности, связанные с удаленностью и климатом, было непросто. Перспектива миграции в Сибирь пугала переселенцев.

Известный американский исследователь Джордж Кеннан (George Kennan) в своей книге о путешествии по Сибири описывает, как русские целовали землю перед пограничным столбом между Европой и Азией, прощаясь с Родиной, перед тем как отправиться в долгий холодный путь на восток (см. блок 5-1).

Глава 5. Сибирь – поле экспериментов и ошибок

Блок 5-1. Джордж Кеннан-старший: «По ту сторону сибирского рубежа»

«На второй день после нашего отъезда из Екатеринбурга, когда мы проезжали редкий лес между селами Марково и Тугулимская, наш ямщик внезапно осадил своих лошадей и, обернувшись, сказал: «Вот граница». Мы спрыгнули с тарантаса и увидели стоящий на обочине квадратный столб из оштукатуренного или ошпакованного кирпича, высотой десять или двенадцать футов, с нанесенным на одной стороне гербом европейской Пермской губернии, а с другой – гербом азиатской Тобольской губернии. Это был пограничный пост Сибири.

Ни один пограничный столб в мире не был свидетелем подобного множества людского страдания или прохождения мимо него такого большого числа людей с разбитыми сердцами. Свыше 170 000 ссыльных прошли этой дорогой с 1878 года и более полумиллиона с начала нынешнего столетия... Так как пограничный столб расположен примерно на полпути между последним европейским и первым сибирским этапами, стало традицией разрешать этапам ссыльных останавливаться здесь для отдыха и последнего прощания с домом и Родиной. Российский крестьянин, даже будучи преступником, крайне привязан к своей Родине; вокруг этого пограничного столба можно было стать свидетелем душераздирающих сцен, когда такой этап, возможно застигнутый в пути морозом и снегом, ранней осенью, останавливался здесь для последнего прощания. Некоторые давали волю безудержному гору. Другие утешали плачущих. Иные становились на колени и прижимались лицом к любимой земле своей Родины и набирали немного земли с собой в ссылку. А многие прикасались губами к европейской стороне холодного кирпичного столба, будто навек прощаясь со всем тем, что он символизирует...

Сорвав несколько цветов у фундамента пограничного столба, мы вскарабкались в нашу повозку, сказали «прощай» Европе, подобно сотням тысячам до нас, и помчались прочь в Сибирь».

Источник: *George Kennan. Siberia and the Exile System. Vol. 1. London: James R. Osgood, McIlvaine & Co., 1891; reprint: Praeger Publishers, 1970. P. 50–54.*

Даже сегодня жители отдаленных районов Сибири и российского Дальнего Востока называют европейскую часть России «материком». На протяжении всего периода царского правления заселение Сибири шло медленными темпами и часто в принудительном порядке. Большая часть населения была сосредоточена на западе Сибири, в относительной близости от центра, где климат был мягче²⁴ (средние январские температуры в Западной Сибири колеблются в амплитуде от -15 до -20° , тогда как в Восточной Сибири температура опускается до -30° и ниже). В других местах крупномасштабные поселения создавались в непосредственной близости от линий коммуникации с Центральной Россией. Население городов, примыкающих к железной дороге, очень быстро росло в первое десятилетие строительства Транссиба. Старые сибирские города, удаленные от дороги, напротив, пережили экономический и демографический спад²⁵.

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское время

Тем временем заселение Дальнего Востока оставалось неплотным и разбросанным. Хотя большинство статистических сборников царского периода не проводят различий между миграцией в Сибирь и на Дальний Восток, известно, что строительство более или менее значимых поселений на Дальнем Востоке началось только в 50-х годах XIX века. Территория вдоль Амура была предметом постоянных споров с Китаем до 1858–1860 годов, когда России удалось присоединить примерно 644 000 квадратных километров территории и провести демаркацию по реке Амур. Численность населения на российском Дальнем Востоке того времени составляла всего 15 000 человек²⁶. Государство приложило значительные усилия по привлечению поселенцев в этот отдаленный регион. Уже в 60-х годах XIX века мигранты были освобождены от воинской повинности в качестве поощрения за миграцию на Дальний Восток²⁷. В 1883 году государство начало оплачивать переезд переселенцев на Дальний Восток, отдавая особое предпочтение земледельцам из Западной Украины, «изголодавшимся по земле»²⁸. Тем не менее, регион страдал от заметно более низких темпов добровольного или принудительного заселения, чем Сибирь. К переписи 1897 года численность населения на российском Дальнем Востоке едва перевалила за 300 000 человек²⁹. При этом большинство этих переселенцев сосредоточились в Приморье, поближе к тихоокеанскому побережью³⁰.

К концу царского правления внутренние районы Сибири за пределами окрестностей Транссибирской магистрали были едва обозначены на карте, не говоря уже об их заселении. Разумеется, крупномасштабное заселение и, в конечном счете, урбанизация Сибири в царской России были просто невозможны, так как затраты на заселение, освоение и содержание такого огромного и холодного региона были слишком обременительны для рыночных сил. Несмотря на то что имперскому государству тоже были присущи централизация и администрирование, оно в основном придерживалось рыночной ориентации. К тому же цари обычно имели большие долги и правили империей, обходясь скудными средствами³¹. Только Советский Союз – тоталитарное государство с принуждением, заложенным в его сути, с высокой степенью централизации производства и распределения ресурсов и абсолютным отсутствием стоимостных критериев – был действительно в состоянии покорить Сибирь. Плановые структуры и органы госбезопасности в массовом порядке отправляли людей из Европейской России в холод и безмерную даль с целью заселения Сибири. Советский Союз был государством, строившим и обогревавшим города, используя энергетические ресурсы региона (богатые запасы нефти и газа, ме-

Глава 5. Сибирь – поле экспериментов и ошибок

сторождения угля), и снабжавшим эти регионы, доставляя товары за тысячи километров по Транссибирской магистрали, а затем судами по сибирским рекам и, наконец, самолетами или вертолетами к отдаленным поселениям.

СССР осваивает Сибирь

Советские плановые органы пользовались техническими достижениями 20–30-х годов прошлого столетия для скорейшего овладения ресурсами Сибири. Были сконструированы и построены суда, способные пробиваться через ледяные заторы, открывшие североморский маршрут через Северный Ледовитый океан от Мурманска до Владивостока. Северный морской путь был впервые целиком преодолен за один сезон экспедицией О. Ю. Шмидта в 1932 году; тем самым была установлена прямая связь Европейской России с Дальним Востоком. Советский Союз получил возможность удлинить Северный морской путь вниз по течению великих сибирских рек – Оби, Енисея и Лены – путем строительства ряда портов. Это позволило впервые получить доступ к центральным регионам Сибири, приступить к развитию коммуникаций с ними и к дальнейшему их освоению. В 1930–1940-х годах широкомасштабное освоение сибирских природных ресурсов стало наконец возможным. К 1950-м годам СССР приступил к разработке угольных месторождений и богатых месторождений цветных металлов, включая медь, олово, цинк, свинец, серебро, золото, платину и ртуть в Северной Сибири. В 1960–1970-х годах началось освоение и эксплуатация западносибирских нефтегазовых месторождений. Дальнейшее освоение и добыча нефти и газа в восточной и северной частях Сибири открыли дополнительные возможности для промышленного развития и заселения.

По мере развития сырьевой базы Сибири прокладывались железнодорожные ответвления от Транссибирской магистрали, чтобы соединить ключевые сибирские регионы с остальными территориями СССР. Строились новые города и поощрялись новые поселенцы. В начале октября 1924 года советское правительство издало постановление о важности перемещения людей для освоения ресурсов СССР и сразу же предложило льготы для желающих поехать в Сибирь и на Дальний Восток, включая снижение налогов, отсрочку от призыва на воинскую службу, покрытие транспортных расходов и займы, – очень похожие на политику царских властей³². Одним из наиболее интересных экспериментов по стимулированию заселения региона в советский период было создание Еврейской автономной

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское время

области в 1934 году. Биробиджанский эксперимент (см. блок 5-2), продолжавшийся тридцать лет, показывает трудности массового привлечения людей в Сибирь и на российский Дальний Восток даже при хорошо продуманном пакете льгот.

Блок 5-2. Биробиджан*

Начиная с 1928 года советское правительство стало предпринимать попытки массового переселения российских евреев на Дальний Восток, в Биробиджан. Согласно переписи 1926 года, в СССР было 2 672 000 евреев^{1*}. Во второй пятилетке 1933–1937 годов советские плановые органы наметили амбициозную цель по доведению численности населения в регионе до 300 000 человек, половину из которых должны были составлять евреи^{2*}. Эта территория была разрекламирована как новое социалистическое еврейское отечество, «Советский Сион», и в 1934 году получила официальный статус Еврейской автономной области в рамках РСФСР.

Несмотря на привлекательность предложения получить свое собственное определенное место в СССР (в эпоху царизма евреи размещались за чертой оседлости на Украине и в Белоруссии), советские евреи, которых вынудили переселиться на Амур, стали уезжать оттуда практически сразу же после приезда, особенно в течение первых пяти лет осуществления проекта:

1928 год – 950 приехали, 600 уехали
 1929 год – 1875 приехали, 1125 уехали
 1930 год – 2560 приехали, 1000 уехали
 1931 год – 3250 приехали, 725 уехали
 1932–1933 годы – 11 000 приехали, 8000 уехали

Хозяйственная деятельность и заселение Биробиджана достигли своего апогея во время вторжения нацистской Германии в СССР, однако в регионе никогда не проживало более 50 000 постоянных еврейских поселенцев (при общей численности населения в 114 000 человек). В 1958 году Никита Хрущев объявил проект переселения евреев в Биробиджан провалившимся, обвинив в этом «еврейский индивидуализм»^{3*}.

Если под «индивидуализмом» Хрущев подразумевал желание иметь свободу выбора, то он был, несомненно, прав. По обычным меркам, Биробиджан был на грани непригодности для проживания. При его нахождении «бог знает где» и средней январской температуре в –22° советские евреи предпочитали претерпевать дискриминацию и ограниченную возможность получить работу в европейской части РСФСР (а позднее и эмигрировать совсем) жизни и работе в отдаленном уголке Дальнего Востока. Более поздняя история Еврейской автономной области подтверждает это. К 1979 году численность еврейского населения упала до уровня ниже 10 000 человек (чуть больше 5 процентов всего населения Биробиджана) и неуклонно продолжала падать^{4*}. Между 1989 и 1996 годами евреи уезжали из региона

* Говоря о Биробиджане, авторы имеют в виду Еврейскую автономную область, столица которой – Биробиджан – была основана в 1937 году. (Прим. ред.)

Глава 5. Сибирь – поле экспериментов и ошибок

в основном в Израиль, снизив численность еврейского населения в Биробиджане до 1500 человек^{5*} – менее 0,5 процента общей численности еврейского населения современной России.

^{1*} Народное хозяйство СССР. 1922–1982 гг. М.: Госкомстат России, 1982. С. 33.

^{2*} *Robert Weinberg. Stalin's Forgotten Zion. Birobidzhan and the Making of a Jewish Homeland: An Illustrated History, 1928–1996.* University of California Press, 1998. P. 43.

^{3*} *Martin Gilbert. Russian History Atlas.* Macmillan, 1972. P. 135.

^{4*} Российский статистический ежегодник, 2000. М.: Госкомстат. С. 55, 67.

^{5*} *Кричевский Л.* Отдаленная российская община теряет последних своих евреев. Еврейское телеграфное агентство. 1996, 6 сентября (<http://www.jewishsf.com/bk960906/iremote.htm>).

Несмотря на все стимулы и эксперименты, подобные «Советскому Сиону», Сибирь так и не смогла привлечь достаточное количество людей для удовлетворения амбиций плановиков по ее освоению в первые десятилетия существования Советского Союза. Потребовались иные, нежели добровольные или идеологически воодушевленные, методы заселения. В целях достижения более обширной эксплуатации сибирских ресурсов советское правительство развило сибирскую исправительную систему до немыслимого в царской России уровня.

ГУЛАГ

После Февральской революции 1917 года антимоноархическое правительство амнистировало всех политических заключенных Сибири и других отдаленных мест. Однако, после прихода к власти большевиков, оказалось, что нехватка капитала, техники, оборудования и других ресурсов мешала реализации запланированной массивной индустриализации. Из необходимых составляющих только рабочая сила присутствовала в достаточном количестве. Поначалу большевистские лидеры полагали, что добровольной контрактной системы будет достаточно для привлечения рабочей силы из числа городских безработных и крестьян в самые неразвитые регионы России. Однако потребовалось совсем немного времени, чтобы понять нежизнеспособность такого подхода. Безработица была успешно ликвидирована в Советском Союзе к 1930 году, сильно уменьшив мотивы для поездки на восток. Все больше крестьян, столкнувшихся лицом к лицу с реалиями жизни даже на Урале, не говоря уже о Сибири, нарушали свои контракты с предприятиями и возвращались на запад. Перед лицом настоятельной необходимости выполнения напряженных производственных планов первой советской пятилетки директора местных предприятий стали требовать предоставления доступа к фонду рабочей силы,

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское время

которая как раз начинала накапливаться вместе со становлением системы исправительных лагерей. Историк Джеймс Харрис (James Harris) описывает, например, как уральский металлургический комбинат послал в 1931 году срочную телеграмму в областной отдел труда с жалобой на то, что из 2000 новых рабочих, которых они получили в тот год, 1000 человек уже ушли³³. Харрис писал: «Руководители предприятий не видели никаких ближайших перспектив для создания условий, достаточных для удержания новичков на работе. Они были склонны видеть решение проблемы в... использовании принудительной рабочей силы на работах в чрезвычайно суровых условиях, где «утечки» были особенно велики. Это и послужило основанием для расширения лагерной системы. Например, в вышеупомянутой телеграмме утверждалось, что «перевод трудовой колонии (на Надеждинский завод) решил бы проблему» необходимости продолжения жилищного строительства в разгар зимы. Рабочие вряд ли убегут, если за ними будет следить вооруженная охрана.

К концу 30-х годов принудительный труд использовался уже во всех основных отраслях промышленности на Урале»³⁴.

Система исправительных лагерей берет свое начало с постановления 1929 года, поручавшего ОГПУ (Объединенному государственному политическому управлению) создание сети исправительно-трудовых лагерей с конкретной целью колонизации «наименее доступных и наиболее трудно осваиваемых» регионов страны и эксплуатации природных ресурсов. Эти лагеря должны были быть размещены в «Сибири, на Севере, на Дальнем Востоке и в Средней Азии». На момент выхода постановления в СССР существовало небольшое число трудовых колоний, где насчитывалось примерно 23 000 заключенных. Менее чем через пять лет уже полмиллиона советских граждан – все лица, приговоренные к трем или более годам тюремного заключения, – были в ГУЛАГе³⁵.

ГУЛАГ и его фонд рабской рабочей силы превратились в основной инструмент советской индустриализации. Как описывает Энн Эплбаум (Ann Applebaum) в своей истории ГУЛАГа, Соловецкий лагерь, первый в системе ГУЛАГа, заработал по принципу «сколько работаешь, столько ешь» в 1920 году. Это стало способом поста-

* ГУЛАГ (Главное управление исправительно-трудовых лагерей, трудовых поселений и мест заключений) – в 1934–1956 годах подразделение НКВД (МВД), осуществлявшее руководство системой исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ). Официальное наименование управления с момента его создания и до роспуска претерпело двенадцать изменений. Аббревиатура ГУЛАГ сохранялась до конца.

Глава 5. Сибирь – поле экспериментов и ошибок

новки лагерей на самообеспечение и даже превращения их в псевдоприбыльные государственные предприятия³⁶. Через систему ГУЛАГа заключенные, точнее говоря – «работники», занимались лесозаготовками, добычей полезных ископаемых в отдаленных регионах, испытывающих нехватку местного населения. Они также создавали жизненно важную инфраструктуру и ведущие отрасли промышленности в других регионах, включая европейскую часть России и Подмоскovie³⁷. Объекты, на которых работали заключенные системы ГУЛАГа, размещались по всей территории Зауралья. В их число входило все – от Северо-Сибирской железной дороги (строительство велось при температурах -55° и впоследствии было прекращено) до Байкало-Амурской железнодорожной магистрали (БАМ). Одно из крупнейших предприятий ГУЛАГа находилось среди золотых рудников бассейна реки Колыма, в регионе, почти равном по размеру Украине. Частично обслуживающее Дальстрой, оно было своего рода «деловым конгломератом», обособленным от остальной системы ГУЛАГа³⁸.

Разработка золотоносных месторождений Колымы – один из классических примеров великих человеческих жертв, принесенных на алтарь экономической модернизации и освоения Сибири. В 1938 году сибирским заключенным, которых заставляли работать при температурах порядка -50° , не разрешалось носить меховую одежду – только ватники; вместо валенок в обиходе была парусиновая обувь, а выделяемых пайков едва хватало, чтоб выжить. Согласно историку Роберту Конквесту (Robert Conquest), в НКВД, которому подчинялся ГУЛАГ, считали, что, поскольку заключенные вряд ли выдержат зимние холода, нет необходимости заботиться об их здоровье», ведь всегда в наличии много заключенных взамен погибших³⁹. В других источниках утверждается, что на каждую добытую тонну колымского золота приходилось от 700 до 1000 жизней заключенных⁴⁰. Плановые органы считали фонд рабочей силы поистине неисчерпаемым.

Массовые сталинские чистки конца 30-х годов и усердная работа шефа НКВД Николая Ежова привели к еще большему увеличению числа заключенных. В одном только 1936 году количество лагерей возросло с тринадцати до тридцати трех, а к апрелю 1938 года общая численность заключенных ГУЛАГа превысила 2 миллиона человек. В военные годы эта численность уменьшилась, но после 1945 года снова возросла, так как послевоенные планы экономического развития требовали еще большего количества лагерной рабочей силы. С середины 1949-го до середины 1953 года численность заключенных оставалась на уровне примерно 2,5 миллиона человек. На протяжении всего этого периода примерно половина приго-

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское время

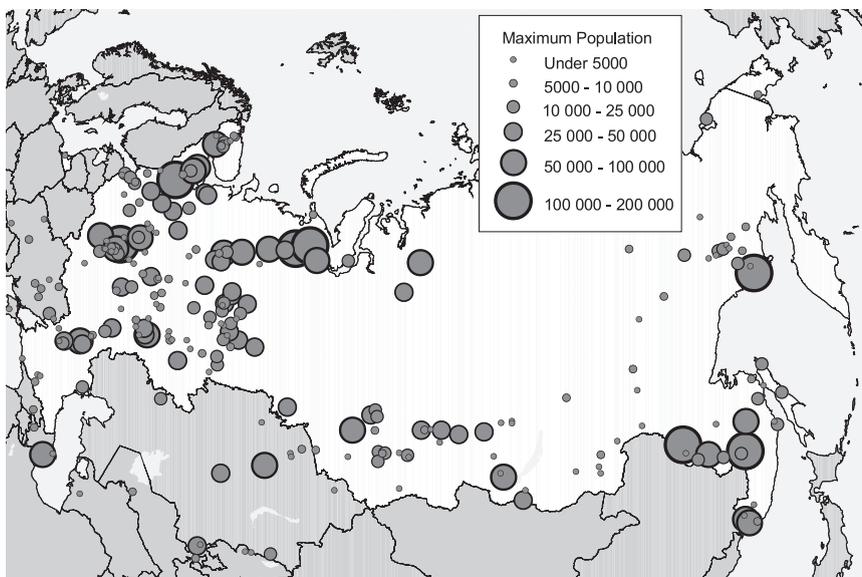
воренных к ГУЛАГу была лишена свободы за преступления не серьезнее мелкого хищения⁴¹.

На пике своей деятельности в конце 1940-х и начале 1950-х годов на долю ГУЛАГа приходилось примерно 15–18 процентов объема промышленного производства и промышленной рабочей силы в стране⁴². Один только Дальстрой включал в себя 52 наземных золотonosных прииска, 5 подземных золотonosных рудников, 5 заводов по переработке золотonosной руды, 7 оловянных рудников, 11 оловообогатительных фабрик, 25 гидроэлектростанций и множество других предприятий и заводов⁴³.

Советская статистика умышленно скрывала тот факт, что достижения кампании по индустриализации базировались на рабском труде. Исправительно-трудовые лагеря в системе ГУЛАГа с численностью, превышающей 3000 или 5000 человек (в зависимости от местоположения), классифицировались как города. Это означало, что для стороннего наблюдателя регионы, подобные Сибири, представлялись переживающими беспрецедентный рост численности населения и промышленности⁴⁴. В своей книге о лагерях в СССР Дэвид Даллин (David Dallin) и Борис Николаевский (Boris Nikolaevsky) отмечают, что насильственная миграция была существенным компонентом этого роста, если учесть тот факт, что наиболее быстрый рост городов был зарегистрирован на российском Севере и Дальнем Востоке, где находилось большинство исправительно-трудовых лагерей⁴⁵. Даже после освобождения заключенные продолжали вносить вклад в рост численности северного населения. После истечения срока бывшие заключенные получали новый временный статус «особого поселенца». Им было по закону запрещено менять свое местонахождение или возвращаться в родные края. Каждый прошедший через систему ГУЛАГа восточнее Уральского хребта, хотел он того или нет, становился частью миграционной волны, которая катилась через Сибирь и Дальний Восток⁴⁶.

Сильное воздействие ГУЛАГа отнюдь не ограничивалось отдаленными и малонаселенными регионами. На карте 5-1 предпринята попытка отобразить насыщенность лагерями отдельных регионов. На ней представлено расположение лагерей ГУЛАГа и максимум численности их «населения» за время их существования. Хотя некоторые крупные лагеря были и в европейской части СССР, именно на востоке ГУЛАГ наиболее заметно повлиял на развитие страны. В период между 1929 и 1953 годами выгоду от использования принудительного труда извлекали практически все без исключения крупные города Урала, Сибири и Дальнего Востока. Примером тому может служить история Хабаровска, одного из крупнейших

Глава 5. Сибирь – поле экспериментов и ошибок

Карта 5-1. Наибольшее количество заключенных ГУЛАГа в городах и поселках СССР, 1926–1960 годы

Источник: Рассчитано исходя из данных М. Б. Смирнова. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960: Справочник. М.: Звенья, 1998.

Круги обозначают наибольшее количество заключенных ГУЛАГа в каждой из областей (города, поселки) за все время. Если вблизи города располагалось больше одного лагеря, количество заключенных рассчитывалось исходя из наибольшего числа заключенных, находившихся одновременно в нескольких лагерях области.

ших российских дальневосточных городов конца XIX столетия. В 1938 году численность населения Хабаровска составляла порядка 200 000 человек. В то же время в его окрестностях размещались четыре крупных лагеря ГУЛАГа с общей численностью заключенных более 300 000 человек. Эти огромные ресурсы лагерной рабочей силы были задействованы при строительстве железнодорожных веток⁴⁷. Заключенные возводили предприятия по производству материалов для дополнительных строительных объектов в самом Хабаровске и его окрестностях (включая Биробиджан). Они прокладывали дороги, работали в зарождающихся рыболовецкой и лесозаготовительной отраслях и создавали инфраструктуру для поддержания судоходства по реке Амур⁴⁸. Сегодня Хабаровск насчитывает более 600 000 жителей и, как показывает таблица 3-3, вносит четвертый по величине негативный вклад в российскую температуру на душу населения (ТДН)⁴⁹.

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское время

Эвакуация промышленности во время Великой Отечественной войны и освоение целины

Еще одним поворотным моментом в освоении Сибири стала Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Хотя строить заводы в Сибири начали еще в 30-е годы, в 40-х годах произошла вынужденная передислокация советской промышленности и экономической деятельности на новое место. Из-за вторжения немецких войск ключевые предприятия были перемещены из европейской части СССР в регионы восточнее Волги – на Урал и дальше – с целью сделать их недосягаемыми для противника. С июля по ноябрь 1941 года, сразу же после внезапного июньского нападения Германии на СССР, свыше 1500 предприятий были вывезены на восток из Ленинграда, Москвы, Киева и других городов. Из этих предприятий 244 были отправлены в Западную Сибирь и 78 – в Восточную. Новая промышленность была размещена в основном в таких городах, как Омск и Новосибирск⁵⁰. Сибирь стала стратегической цитаделью: огромная территория отделяла ее от европейской части СССР и возможной атаки регулярных войск через Западный фронт.

Освоение Сибири получило новый импульс во время целинной эпопеи. С 1953 по 1961 год Никита Хрущев проводил кампанию по увеличению производства зерна в южной степи (сегодня Северный Казахстан). Намечалось подключение к кампании и более отдаленных земель, простирающихся в глубь Сибири между Волгой и Енисеем. К 1956 году 35,9 миллиона гектаров – площадь, эквивалентная площади всех возделываемых земель в Канаде, – были подвергнуты интенсивной обработке. Около 300 000 советских граждан были переселены на постоянное жительство в новые сельскохозяйственные регионы⁵¹. Большинство поселенцев, призванные в качестве сельскохозяйственных первопроходцев или направленных в рамках трудовых программ, составляла русская и украинская молодежь. Освоение целины было официально прекращено в 1970 году, когда стало ясно, что поддерживать там урожай на достаточном уровне слишком трудно*. Но, несмотря на это, многие из поселенцев остались в этих местах. К концу 1970-х годов государство ставило целью не только осваивать целинные земли, но и продолжать строительство крупных городов и создавать специализированную добывающую промыш-

* В некоторых сибирских центрах освоения целины – таких как Томск на реке Обь – снежный покров держался на почве почти по 180 дней в году, значительно сокращая тем самым продолжительность сельскохозяйственного сезона.

Глава 5. Сибирь – поле экспериментов и ошибок

ленность. К началу XXI века этот огромный проект, направленный на укрепление экономики страны, превратился в сибирскую промышленную утопию.

Сибирская промышленная утопия

Мотивация развития специфических отраслей промышленности и расположения городов в Сибири и на Дальнем Востоке до сих пор остается по большей части загадкой; но рациональность, которую можно почерпнуть из советской документации по планированию, позволяет предположить, что было задействовано множество факторов. СССР стремился осваивать территорию и заселять ее людьми не потому, что это была Сибирь, а потому, что там имелись ресурсы: нефть, газ, алмазы, золото и другие ценные металлы. Целью было сделать Советский Союз самодостаточным по стратегическим ресурсам, особенно после 1929 года, когда СССР был изолирован от остальной Европы и его доступ к внешним ресурсам намеренно блокировался западными правительствами, опасавшимися коммунистической экспансии. Были разработаны и другие обоснования, концепции и теории, подкрепляющие намерения правительства, в частности размещение промышленности поближе к сырьевым ресурсам и энергоносителям для минимизации транспортировки, выравнивание уровня экономического развития по всей территории СССР и, в долгосрочной перспективе, придание стимула специализации и крупномасштабному освоению специфических территориальных регионов⁵².

Военные плановые ведомства в стремлении освоить Сибирь преследовали свои стратегические интересы, схожие с основными целями царской власти: «обезопасить, удержать и в какой-то мере заселить эту огромную и до некоторой степени уязвимую государственную территорию»⁵³. Наконец, советские политики, которым было поручено обеспечить выполнение задач по созданию и мобилизации общества в относительно менее принудительном порядке в период 60–80-х годов, оказывали идеологическую поддержку освоению новых земель призывами и пропагандой под лозунгами укрепления могущества советского государства. Вообще-то, единого *регионального* плана освоения Сибири не существовало, и все цели официально представлялись как запланированные уже по их достижении. Советские экономисты, военные стратеги и идеологи – все имели свои причины ставить именно на Сибирь. Однако на деле все они только развивали утопические идеи друг друга.

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское время

Одним из самых курьезных идеологических обоснований промышленного планирования в Сибири была так называемая «доктрина Энгельса» – точка зрения Фридриха Энгельса, согласно которой крупномасштабная промышленность должна быть «свободна от пространственных ограничений» и равномерно распределена по всей стране.

«Крупномасштабная промышленность... таким образом, в значительной степени освобождала производство от территориальных ограничений... Общество, освобожденное от пут капиталистического производства, сможет добиться намного большего... Поэтому ликвидация различий между городом и деревней – это не утопия, как раз именно потому, что этим обуславливается максимально возможное равномерное распределение крупной промышленности по всей стране. Действительно, в лице огромных городов цивилизация завещала такое тяжелое наследие, что на избавление от него уйдет много времени и сил. Но от этого наследия необходимо и можно избавиться, каким бы длительным не был этот процесс. (Курсив наш. – Авт.)»⁵⁴

«Доктрина Энгельса» было взята на вооружение советскими экономистами, особенно теми из них, кто изучал взаимосвязь между экономикой и государственной безопасностью. К концу 1950-х годов этой концепции стали придавать особое значение во влиятельных советских кругах, включая военные академии. Один из наиболее ярких примеров дальнейшего развития «доктрины Энгельса» можно найти в материалах генерала Андрея Лаговского, одного из первых военных экономистов в СССР и основателя кафедры военной экономики при советской Академии Генерального штаба (см. блок 5-3).

Блок 5-3. Генерал Андрей Лаговский о «географическом размещении производительных сил»

«Географическое размещение производительных сил, и прежде всего тяжелой промышленности, как ведущей отрасли народного хозяйства и основы обороноспособности страны, в современных условиях имеет огромное политическое, экономическое и стратегическое значение...»

«В современных условиях составные части высокоразвитой экономической базы, и в первую очередь промышленные предприятия, должны быть так расположены на территории страны, чтобы иметь наиболее благоприятные условия для их работы в военное время...»

«В странах социализма на основе закона планомерного (пропорционального) развития народного хозяйства производительные силы размещаются принципиально по-иному, чем в странах капитала. В последних, как известно, производство размещается там, где оно сулит монополиям максимальные прибыли».

«Неравномерное и нерациональное размещение производства в капиталистических странах видно из того, что промышленность стихийно развивается в тех районах, где быстрее и больше можно получить прибыли, т. е. обычно в немногих центрах метрополий, в то время как громадные территории окраин страны и колоний остаются в промышленном отношении или совершенно неразвитыми, или там

Глава 5. Сибирь – поле экспериментов и ошибок

развиваются преимущественно предприятия легкой и пищевой промышленности. Примером нецелесообразного, с общегосударственной точки зрения, размещения промышленности являлась царская Россия...»

«Великая Октябрьская социалистическая революция, уничтожив в нашей стране капиталистический способ производства, покончила и с нерациональным с точки зрения планового хозяйства размещением нового строительства промышленных предприятий. В процессе строительства социализма уродливое наследие капиталистического размещения производительных сил постепенно ликвидировалось, хотя оно окончательно не устранено в настоящее время, так как для этого требуется довольно длительное время»⁵⁵.

Царский режим действительно оставил Сибирь и российский Дальний Восток промышленно неразвитыми. В то же время отдаленность от Европы и стремление перенести промышленность подальше от западных границ в период Великой Отечественной войны показали, что из соображений безопасности промышленность нужно сосредоточивать именно там. Безопасность и необходимость повышения обороноспособности СССР послужили мотивацией дальнейшего претворения в жизнь «доктрины Энгельса». В интересах оборонной промышленности в 1960–1980-х годах было начато интенсивное освоение Сибири, Дальнего Востока и тихоокеанского побережья. Там были размещены крупные сухопутные и морские военные объекты, призванные защищать территорию СССР от возможного нападения со стороны Китая. К 80-м годам в Зауралье были размещены примерно 25 процентов советских наземных вооруженных сил, столько же военно-воздушных сил и порядка 30 процентов военно-морских сил. Повышение роли Сибири и Дальнего Востока как военного укрепления способствовало возрождению прежней идеи об обеспечении независимости в снабжении металлами и другими стратегическими ресурсами, которые теперь были востребованы оборонными отраслями промышленности, размещенными здесь после Второй мировой войны. В результате разработка богатых сырьевых месторождений Сибири ускорила⁵⁶.

Такие обоснования необходимости освоения этого региона обусловили приоритет Сибири и Дальнего Востока в советском планировании. Но, если следовать «доктрине Энгельса» и ее прочтению генералом Лаговским, в такой огромной стране, как Россия, распределение крупной промышленности или экономическое освоение в рамках такой обширной территории, как Сибирь и Дальний Восток, конечно же, «отняло бы много времени и сил». Скорее всего, это невозможно. Подобная перспектива, однако, не устрашала советские плановые органы, хотя со временем они модифицировали «доктрину Энгельса», пытаясь добиться скорее *равномерного*, чем *равного* распределения средств производства⁵⁷. Лаговский и другие эконо-

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское время

мисты со схожими взглядами были уверены, что размещение промышленности в отдаленных регионах рядом с источниками минеральных ресурсов на самом деле повысит эффективность советской промышленности. Удаленность и затраты не составляли проблемы при подобном образе мышления. Как пояснил Лаговский в своей книге, само отсутствие проблем с удаленностью и издержками является основным преимуществом советской системы. Время или, скорее, его количество тоже никого не останавливало. Идея о рассредоточении промышленности по всей территории СССР и Сибири по идеологическим причинам и из соображений безопасности, сформулированная Лаговским в 1957 году, благополучно просуществовала до 80-х годов прошлого столетия⁵⁸. Большинство планов развития промышленности были долгосрочными.

Запланированные «города»

Города в Сибири были важной деталью этих планов. Города развивались вместе с промышленностью, чтобы постоянно обеспечивать заводы, рудники и нефтяные и газовые месторождения рабочей силой. Они проектировались со ступенчатой географической и функциональной иерархией, чтобы максимально охватить стратегические ресурсы с целью их освоения. Города проектировались как базы сосредоточения социальной инфраструктуры и центры снабжения или проживания для добывающих отраслей промышленности в изолированных регионах. В Западной Сибири, например, Новосибирск, Омск и Иркутск – крупные города вдоль Транссибирской магистрали – занимали первые места в иерархии, то есть являлись главными социальными и снабженческими центрами сосредоточения инфраструктуры и одновременно центрами крупных географических регионов. По мере удаления от Транссибирской магистрали меньшие города, вроде Сургута и Нижневартовска, выполняли аналогичные функции меньшего масштаба, выступая в качестве базовых городов для обслуживания рабочих из отдаленных северных месторождений. Даже небольшие поселки и временные шахтерские поселки или нефтяные и газовые месторождения были зависимы от ближайшего города в плане разнообразного обслуживания, включая обеспечение долговременного проживания их семей⁵⁹.

Однако во многих отношениях плановые города в Сибири на деле не являлись городами в привычном смысле этого слова. Они не были социальными или экономическими образованиями, а скорее – сборными пунктами, складами и центрами снабжения, то есть имели исключительно утилитарное назначение. Города были лишь

Глава 5. Сибирь – поле экспериментов и ошибок

функциональными образованиями для складирования, перераспределения и руководства деятельностью и снабжением огромной плановой промышленности региона. Их размер и организация местного управления, включая изменения населения и инфраструктуры, разрабатывались в тесной увязке с потребностями отдельных промышленных предприятий. Поэтому они строились под потребности промышленности и государства, а не под потребности, или желания, или предпочтения жителей этих городов. И в самом деле, ответственность за планировку и создание инфраструктуры в этих городах находилась, в основном, под юрисдикцией соответствующего советского экономического министерства, которому было подотчетно то предприятие, для обслуживания которого был спроектирован город, – при весьма небольшой доле ответственности муниципального руководства. Во многих случаях, при нехватке региональных инвестиционных фондов или их несвоевременном поступлении, министерства просто перенаправляли ресурсы, предназначенные для развития социальной инфраструктуры в городах, на соответствующие промышленные объекты, оставляя жилищный фонд и городские коммунальные службы в дефиците финансирования⁶⁰.

Бум освоения Сибири

В 1970–1980-х годах Сибирь и Дальний Восток значились на первых местах в советских программах освоения регионов. Это было обусловлено интенсивной эксплуатацией месторождений нефти и природного газа в Западной Сибири, начавшейся в 1964 году. К 1985 году Западная Сибирь производила наибольшие объемы энергоносителей среди регионов СССР; и целая серия долгосрочных промышленных проектов была запланирована по всей Сибири. В их числе: строительство самого крупного в мире завода по производству алюминия в Саянах; сооружение гигантской плотины на реке Енисей (Саяно-Шушенское водохранилище); завершение строительства БАМа* и гигантских гидроэлектростанций в угольном бас-

* Строительство БАМа было начато ГУЛАГом в 1930-х годах для создания альтернативы Транссибирской магистрали. Строительство намечалось параллельно этой магистрали, но примерно на 100 километров севернее. (Кстати, в 1938 году Байкало-Амурский исправительный трудовой лагерь, или Бамлаг, с его 200 907 заключенными, был самым крупным лагерем принудительного труда в истории Советского Союза.) Проект БАМа был отклонен Сталиным и возрожден при Брежневе в 1974 году. Строительство почти 3200-километровой железнодорожной магистрали было завершено в 1986 году (за исключением нескольких туннелей). С 1989 года БАМ стала основным маршрутом транспортировки грузов из европейской части России на Дальний Восток.

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское время

сейне Канск–Ачинск; вскрышные работы на угольных месторождениях бассейна Канск–Ачинск, который должен был стать одним из самых крупных поставщиков угля в СССР. Аналитики были поражены грандиозностью проектов и масштабами капиталовложений, которые потребовались бы для их реализации. Как отмечал географ Роберт Тааффе (Robert Taaffe), комментируя этот замысел; «никогда прежде в советской истории не бывало такого периода, когда так много важных проектов реализовывались бы в такой неосвоенной экономической зоне»⁶¹. Из всех грандиозных сибирских строительных проектов некоторые, особенно крупные (включая БАМ и тюменские нефтяные месторождения), предстояло осуществлять в самых суровых климатических зонах Севера. В период между 1976 и 1980 годами на его долю приходилось 36 процентов от всех советских капиталовложений, направляемых в Сибирь, хотя на долю его населения – 3,5 миллиона человек – приходилось всего порядка 12 процентов от общей численности населения Сибири. Принимая во внимание суровый климат, можно утверждать, что столь масштабные и дорогостоящие региональные проекты были тяжелой обузой для советской строительной промышленности⁶².

К 1970-м годам аналитики как в самом Советском Союзе, так и за его пределами стали отмечать и оспаривать необходимость колоссальных затрат на освоение Сибири. Согласно советским статистическим данным, строительные затраты в среднем по Сибири и Дальнему Востоку тогда превысили аналогичные затраты в европейской части России более чем на 50 процентов, не говоря о высоких затратах на сопутствующие составляющие, такие как работа, монтаж, обслуживание и транспортировка⁶³. Кроме того, доставка одного нового мигранта-работника в Сибирь, включая соответствующую инфраструктуру, обеспечивающую его проживание, обходилась государству в 18 000 рублей, тогда как один новый работник в европейской части России обходился в 5000–7000 рублей⁶⁴.

Затраты были велики не только для государства, но и для работников, переезжавших туда. Советская статистика показывает, что стоимость проживания рабочих в Сибири и на Дальнем Востоке была на 35–50 процентов выше, чем в какой-либо другой части РСФСР. Однако более высокие зарплаты и прочие льготы повышали заработки в этих регионах только на 15–20 процентов по сравнению с заработками в европейской части России⁶⁵. Реальные заработки в Сибири были, в конечном счете, не выше, чем в европейской части России. Сравнительно низкий уровень капиталовложений государства в городское жилищное строительство и иную инфраструктуру был одной из проблем, с которыми сталкивались работники в Сибири⁶⁶.

Глава 5. Сибирь – поле экспериментов и ошибок

Инвестиции, включавшие капитал, рабочую силу, материалы и продукты питания, хлынувшие потоком в Сибирь, были, по большей части, «некомпенсируемым притоком капиталов с территорий западнее Урала». Некоторые регионы, особенно в более «умеренных» западной и южной частях Сибири, субсидировались менее интенсивно, чем другие, но Дальний Восток и Крайний Север стали бездонной бочкой для ввозимых ресурсов. Например, в Магаданской области потребление на душу населения было на 75 процентов выше, чем в Тюменской нефтяной области, где рабочая сила была более мобильной и ориентированной на работу вахтовым методом, при котором семьи работников оставались жить в базовых городах. Военные сооружения на Дальнем Востоке были еще одной бездонной ямой для региональных инвестиций, требующей интенсивного завоза ресурсов из-за пределов региона⁶⁷. С замедлением экономического развития СССР в конце 1970-х годов продолжение экономического освоения Сибири стало весьма проблематичным.

Грандиозная ошибка

К 1980-м годам доход от массивов капиталовложений в эксплуатацию природных ресурсов в Сибири и на Дальнем Востоке сильно снизился. Многие масштабные строительные проекты остались незавершенными или законсервированными на неопределенный срок из-за того, что «зачастую оценка существующих ресурсов, оборудования и снабжения не была реалистичной»⁶⁸. Запланированное крупномасштабное развитие Дальнего Востока, которое стояло на повестке дня последним, было «отложено на будущее»⁶⁹. Сначала проблемы рассматривались как результат диспропорционального и непоследовательного планирования, неэффективного управления и плохой координации. Но во времена реформ Михаила Горбачева в конце 80-х годов стали считать, что проблемой была сама Сибирь и попытки ее освоения. Критика огромных затрат в Сибири стала обычным делом в советских плановых кругах. Плановики в Москве «стали стремиться подчинить освоение Сибири потребностям экономики Европейского Центра» и оставили «надежды на самодостаточный рост в этом столетии»⁷⁰. Экономический советник Горбачева Абел Аганбегян, например, порицал «гигантоманию» советских промышленных проектов, искажавшую экономические показатели. В то же время аналитик оборонной промышленности Андрей Кокошин указывал на чрезмерные издержки при создании новых оборонных предприятий в отдаленных регионах, которые были «с экономической точки зрения... неоправданными»⁷¹.

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское время

Региональные аналитики и плановики в Сибири попытались обосновать необходимость продолжения широкомасштабного инвестирования, ссылаясь на то, что товары, производимые в Сибири – особенно нефть и газ, – высоко ценятся на мировых рынках, на зависимость европейской части России от поставок сибирских природных ресурсов и энергии и на огромный экономический потенциал эксплуатации богатств региона⁷². Однако было уже очевидно, что все эти рассуждения о достоинствах Сибири никогда не смогут перевесить затраты, связанные с доставкой региональных товаров на рынок. И в самом деле, к 1989 году индустриализация Сибири стала выглядеть не великой утопией, а грандиозной ошибкой. Сибирский проект был с трудом, но остановлен с распадом Советского Союза в 1991 году и началом российских макроэкономических реформ 1990-х годов.

То, что попытка индустриализации Сибири была огромной ошибкой, не вызывает сомнений, если принять все сказанное по поводу уникального набора проблем, связанных с российскими размерами и холодом, в главах 2 и 3. Но в конце концов масштабность ошибок могла бы быть значительно больше. Утопические схемы, разработанные в 60–70-е годы, были попыткой направить освоение Сибири по тому пути, который должен был быть пройден до 2000 года⁷³. Это долгосрочный проект колоссальных масштабов, и потому сибирская утопия провалилась из-за ограниченности ресурсов, а не из-за нехватки воображения. В 80-е годы самым большим препятствием стала не нехватка инвестиционного капитала, как может показаться из приведенных выше суждений (ведь СССР закачивал деньги в Сибирь в феноменальном количестве в течение 15 лет); дело было в *людях*. Советская система в постсталинскую эпоху не смогла заставить достаточное число людей переехать в Сибирь или заманить их туда, для того чтобы заняться реализацией этого колоссального предприятия.

Проблема рабочей силы

Уже на ранних стадиях планирования и реализации грандиозных советских сибирских проектов 1960-х годов возникла так называемая «проблема рабочей силы в Сибири». Пока функционировал ГУЛАГ, такой проблемы не существовало. С 1926-го по 1939 год Урал и регионы к востоку от него переживали бум численности населения. Но добровольных переселенцев было мало. Львиную долю составляли жертвы насильственного переселения и депортации. После ликвидации ГУЛАГа в конце 1950-х годов и отмены ограни-

Глава 5. Сибирь – поле экспериментов и ошибок

чений на перемещение бывших заключенных покатила массированная волна обратной миграции. Официальным лицам пришлось придумывать систему льгот – включая предоставление свободы перемещения внутри Сибири – с тем, чтобы противостоять волне обратной миграции. Однако и эта система оказалась неэффективной. В 60-х годах С. Г. Процюк писал, что, если бы был выбор, многие поселенцы предпочли бы «променять холодную и враждебную тайгу на плодородные солнечные степи Ставрополя и Краснодарского края»⁷⁴. Тяга к более теплым регионам была сильна и среди сравнительно недавних добровольных переселенцев. Как отмечал Процюк, «подавляющее большинство сибирских рабочих покидают свои рабочие места до истечения сроков действия их контрактов; в Красноярском крае, например, не более 12 процентов вновь нанятых рабочих завершили свои контракты – другие порывали со своей работой досрочно»⁷⁵.

Результаты советских исследований за тот период проливают свет на побудительные факторы обратной миграции из Сибири. Они включают низкие заработки, работу не по профессии, неудовлетворительные условия проживания, недостаток культурной жизни и желание быть поближе к родственникам в европейской части России⁷⁶. Все понимали, что в других местах условия для проживания лучше. Многих работников из Сибири привлекала Юго-Западная Россия, регионы Дона и Кубани, где климат мягче и стоимость проживания значительно ниже.

Для решения этой проблемы сначала была развернута кампания по привлечению на сибирские предприятия «невостребованной рабочей силы», главным образом домашних хозяек. Согласно Процюку, эта новая политика стала «своего рода спасительной соломинкой для озадаченных советских специалистов по труду, которые внезапно оказались перед лицом невозможности возврата к сталинским методам депортации, способствовавшим колонизации Сибири в 1937–1952 годах»⁷⁷. Однако новая стратегия в конечном счете оказалась неэффективной. Домашние хозяйки оказались совершенно неподготовленными для опасной и тяжелой работы, связанной с советскими способами добычи и обогащения цветных металлов. И хотя доля женщин, занятых в цветной металлургии, скачкообразно возросла до 24 процентов к 1962 году, они не смогли восполнить возрастающую нехватку рабочей силы⁷⁸. В результате пришлось снова вернуться к более высоким зарплатам и другим стимулам для работников в Сибири, но даже при наличии этой системы «проблема рабочей силы в Сибири» продолжала оставаться головной болью советского правительства вплоть до развала СССР.

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское время

«Слишком мало людей»

Важнейший момент заключается в том, что при наличии непривлекательного образа жизни в Сибири Россия просто не располагала людскими ресурсами, соразмерными ее гигантским проектам. Сибири пришлось конкурировать с другими советскими передовыми рубежами – например, угольными месторождениями украинского Донбасса, которые были освоены в тот же период и казались более привлекательными с точки зрения климата и льгот. Во времена ГУЛАГа требовалось очень мало ресурсов для обеспечения работников из осужденных – они жили во временных бараках, существовали, в основном, на типовую пайку при минимуме одежды и, конечно же, не требовали никаких льгот. Необходимо было содержать лишь нескольких охранников, чтобы заставить их работать и обеспечивать контроль. После развала системы принудительного труда люди продолжали приезжать и селиться в Сибири со своими семьями, однако теперь им требовалась более диверсифицированная поддержка и обеспечение: жилье, продукты питания, отопление, школы и т. п., – что, в свою очередь, требовало наличия дополнительного обслуживающего персонала. (Как отмечалось в главе 3, на одного постоянного работника на Крайнем Севере к концу 1960-х годов приходилось 10 человек обслуживающего персонала и иждивенцев.)

В результате, при отсутствии жесткого принуждения, рабочая сила, необходимая для эксплуатации ресурсов в суровых сибирских условиях жизни и труда, становилась очень дорогой. Правильной реакцией на это было бы применение технологий, позволяющих радикально сократить количество рабочих. Советские плановые структуры пошли другим путем. Они стремились сохранить сталинские методы массового притока дешевой рабочей силы и примитивнейшие технологии, чего невозможно добиться без принуждения.

Существуют две причины нежелания планирующих органов признать факт «нехватки рабочей силы». Во-первых, советская система рассматривала рабочую силу как один из объективных факторов производства, который можно «использовать» и размещать так же, как металл, газ или цемент, не учитывая, что рабочая сила – это люди, а люди имеют свободу воли. Во-вторых, государственные лидеры были обречены на мышление категориями неограниченной численности населения самой советской историей. Советское промышленное и городское планирование основывалось на абсолютно нереальных прогнозах роста численности населения. Доступность и освоение территории Советского Союза, а следова-

Глава 5. Сибирь – поле экспериментов и ошибок

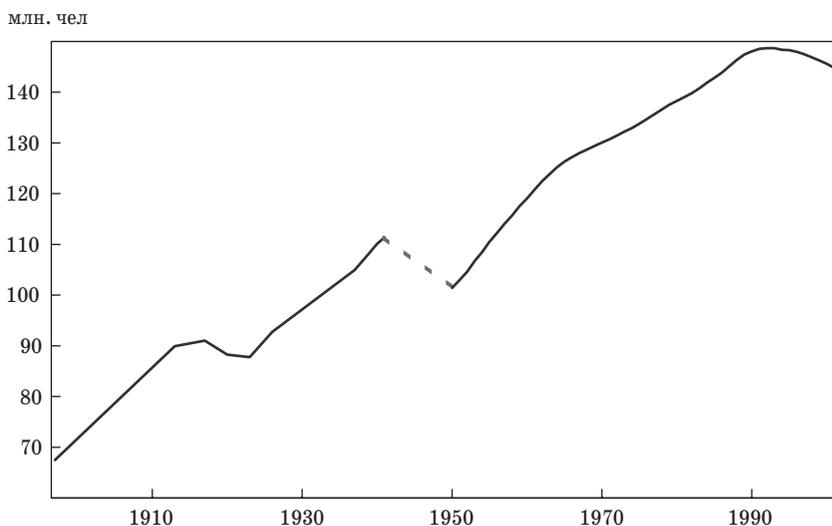
тельно, и Сибири, основывались на этой подспудной идее о численности населения. Несмотря на быстрый рост до Первой мировой войны (ежегодный прирост почти в 1 миллион человек к 1900 году), Россия никогда не сталкивалась с мальтузианскими ограничениями благодаря бескрайности своей территории. С вступлением в XX век, располагая бескрайними просторами Сибири, Россия не опасалась, что ей будет не хватать территории, а значит, ни у кого не возникало даже мысли о том, что ей когда-либо придется ограничивать численность своего населения. Все ожидали, что рост численности населения России продолжится. Германский канцлер Теобальд фон Бетманн-Холлвег в 1914 году заявлял: «Будущее принадлежит России, которая растет, растет и растет»⁷⁹.

Своими непрерывными захватами земель и поощрением людей к миграции царизм создавал впечатление экстенсивного развития Сибири. Но царизм в действительности имел своей целью размещение к востоку от Урала не огромных городов и мощной промышленности, а одних только людей. На неправильный же путь вывела поставленная советской властью задача индустриализации Сибири. Парадоксально, но советское государство никогда бы не смогло одновременно и заселить и индустриализовать Сибирь, так как вопреки всем ожиданиям рост численности российского населения *не стал* безудержно продолжаться. На осознание этого потребовалось определенное время, так как даже довольно крупные торможения этого роста оказывались временными. Например, потрясения, связанные с Первой мировой войной, революциями и Гражданской войной, привели к значительному сокращению численности населения. Коллективизация и репрессии 1930-х годов также отрицательно повлияли на нее. Вторая мировая война была еще одним ударом. Однако численность российского населения скоро опять приходила в норму. В 50–60-е послевоенные годы кривая роста численности населения была даже круче, чем до войны. При прогнозировании будущего в конце 50-х–начале 60-х годов у советских плановых органов не было никаких оснований полагать, что далеко идущие планы освоения Сибири и превращения ее в очередной передовой рубеж советской промышленности будут тщетны*.

* Более того, даже Великая Отечественная война не снизила темпов освоения Сибири. Во время войны ГУЛАГ всегда имел наготове достаточное количество людей для поддержания необходимого уровня производства, даже в то время, когда повсеместно численность советского народонаселения уменьшалась. Депортированные лица, военнопленные увеличивали численность рабочей силы ГУЛАГа. Сталину не приходилось задумываться, желают ли люди добровольно переезжать в Сибирь; он просто высылал их туда.

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское время

График 5-2. Численность российского населения, 1987–2002 годы*

Источники: Данные за 1897–1997 гг. – Население России за 100 лет (1897–1997). М.: Госкомстат России, 1998; за 1998–2002 гг. – Ежегодные данные Госкомстата.

*Цифры показывают численность населения на территории современной Российской Федерации.

К 1970 году общая численность населения России вписывалась в ту кривую, которую с достаточной степенью точности можно было бы экстраполировать, отталкиваясь от показателей роста 1900 года. Плановики могли бы без труда предположить по этой кривой, что к 2000 году численность российского населения достигнет 180 или 190 миллионов человек*. К несчастью, все их прогнозы и экстраполяции оказались ошибочными и им не суждено было сбыться. К 1970 году, хотя общая численность населения и выглядела неплохо с точки зрения плановых органов, ее рост уже значительно замедлился. В 1992 году, как видно из графика 5-2, численность населения стала уменьшаться. Россия стала следовать моделям

* К тому же советских планировщиков вряд ли что-то могло остановить, даже если бы численность населения РСФСР стала уменьшаться. Они занимались проектированием в масштабе Советского Союза, и у них было больше возможностей в части маневра в прогнозировании, чем нам здесь представляется при взгляде на одну только Россию. Они могли исходить из того, что у них есть возможность переместить в Сибирь квалифицированных рабочих с Украины, из Белоруссии и других частей СССР. В своих замыслах по индустриализации Сибири они не были связаны одной только рабочей силой РСФСР.

Глава 5. Сибирь – поле экспериментов и ошибок

старения населения других промышленных государств. Из-за изменения возрастной структуры и снижения рождаемости снизились некогда высокие темпы роста населения. В дополнение к этому стали проявляться негативные последствия ускоренных темпов советской индустриализации и урбанизации с их напряжением и стрессами. В России уже в 70-х годах повысилась смертность из-за проблем со здоровьем, вызванных массовым промышленным загрязнением окружающей среды, алкоголизмом, курением и производственными травмами, что сильно сказалось на демографических показателях 1990-х годов.

С замедлением естественного прироста населения и сокращением его численности встала проблема ограничений, связанных с доступной рабочей силой. Поэтому в 1970–1980-х годах, даже с учетом занятости большинства женщин трудоспособного возраста, людей для освоения Сибири просто перестало хватать. Да их и не могло хватить для ее освоения в соответствии со смелыми замыслами советских плановиков: с городами-великанами по всему региону, гигантскими заводами, огромными плотинами и гидроэлектростанциями, крупными рудниками, самыми протяженными в мире железнодорожными линиями и так далее. И хотя к тому времени крупнейшие города уже были построены, утопические схемы планирования предусматривали их дальнейшее укрупнение, так как ожидалось, что приток рабочих в Сибирь должен возрастать. Однако этого не происходило.

Высокая стоимость жизни в Сибири в сочетании с некачественным жилым фондом и недостатком коммунальных удобств (из-за постоянного перераспределения фондов из городской инфраструктуры в промышленность) способствовала тому, что многие мигранты предпочитали уезжать в другие развивающиеся регионы Советского Союза, например, Дон и Кубань⁸⁰. Хотя население Сибири и было значительно моложе, чем в большинстве регионов европейской части России, и это поднимало рождаемость на сравнительно высокий уровень, к середине 1980-х годов потери за счет миграции опередили рост численности рабочей силы за счет естественного прироста⁸¹. Как и в случае с Биробиджаном, люди приезжали в Сибирь, оставались там на какое-то время и уезжали, не вписываясь в прогнозы Госплана.

«Затерянные города»

Советское планирование все же сумело оставить после себя экономическую структуру с высоким уровнем заселения и специализации, в основном в области добывающей промышленности, в отдельных самых отдаленных регионах России, а следовательно и всего

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское время

мира. Поселения и промышленность были по большей части не связаны друг с другом, и расстояния между ними были непомерными. В Сибири не оказалось ни одного города или региона, который можно считать экономически самодостаточным. Рассмотрим вкратце прискорбную историю якутского города Мирный. В августе 1958 года плановые структуры провели конференцию с целью в общих чертах наметить стратегию развития экономики Северной Сибири. Они обозначили добычу алмазов в качестве одного из промышленных приоритетов в части увеличения капиталовложений. В результате в 1959 году в богатом алмазами регионе Западной Якутии был запущен большой проект по строительству города Мирный, центра новой промышленности. Было запланировано строительство автомагистрали для сообщения Мирного с ближайшим портом Мухтуй (сейчас г. Ленск), в 204 километрах от реки Лены. Ограничившись исключительно фактом физического наличия алмазов в недрах, плановики, к несчастью, забыли принять во внимание (или, возможно, предпочли сознательно проигнорировать) сдерживающий фактор климата Якутии и удаленность закладываемых города и порта.

Еще в начале 1960 года Константин Криптон (Constantine Krypton) писал: «Сам Мухтуй в зимнее время отрезан от внешнего мира, так как автомагистрали между Мухтуем и ближайшей железнодорожной станцией в Усть-Куте (южные ворота в Якутскую АССР) не существует. Грузовой транспорт, посланный из Усть-Кута в Мухтуй должен преодолевать расстояние в 1120 километров по замерзшей Лене в предельно сложных и временами опасных условиях. В настоящее время транспортировка от и до центра добычи алмазов (в Мирном) осуществляется главным образом самолетами»⁸².

Магистраль от Мирного до Ленска, которую обещали построить в 1958 году, была закончена только в 1982-м. Зимой она становится непроезжей. Сегодня в Мирном еще есть алмазы, но они, как и жители Мирного (37 000 человек), отрезаны от экспортных рынков замерзшей рекой, непроходимой дорогой и отсутствием связующей ветки до железной дороги. Единственная тонкая ниточка связи города с внешним миром – авиатранспорт – тоже в большой степени зависит от метеоусловий.

Наличие огромных промышленных и «затерянных» городов, вроде Мирного, отличает Россию от всех развитых государств. Проблемы Сибири коренятся, по существу, не в обширности ее территории и не в том, что там есть люди, – они жили там и до революции в рассеянных по Сибири городах и поселках, – но в том факте, что на всей ее территории размещены огромные города, крупные предприятия и отрасли добывающей промышленности. Попытка следова-

Глава 5. Сибирь – поле экспериментов и ошибок

ния пусть и модифицированной «доктрине Энгельса» и стремление распределить производительные силы по всей Сибири в целях обеспечения более или менее одинакового уровня развития каждого региона Российской Федерации обернулись грандиозным по масштабам неправильным размещением ресурсов, а вовсе не подъемом советского или российского производства. Энгельс в своих трудах имел в виду более компактные европейские страны – Германию, Великобританию... Он считал необходимым более равномерно распределить обрабатывающую промышленность в пределах исторически обжитых регионов. Советские плановые органы развили эту экономически сомнительную идею гораздо шире и в неверном направлении. Они хотели равномерно заселить огромные пустующие регионы. Они упорствовали в своих усилиях, даже когда выяснилось, что человеческие ресурсы не безграничны и переселение не обходится даром. Российское население оказалось не только ограниченным по численности – его содержание в условиях сибирских холодов оказалось весьма дорогим.

В 1974 году Солженицын утверждал, что Сибирь и Дальний Восток «предоставляют нам много места для исправления всех наших нелепостей в создании городов, промышленных предприятий, электростанций и дорог». В конечном счете оказалось, что правда как раз в обратном. В Сибири хватает места для глупости и ошибок в территориальном размещении людей и промышленности, каких еще не знала история. В течение более пятидесяти лет советская власть строила города, промышленные предприятия и электростанции (зачастую и без дорог) в тех местах, где их вообще никогда не должно было быть.